Ночное солнце

Автор:
Наталья Александрова

Ночное солнце

Наталья Николаевна Александрова

Роковой артефакт

Тысячи лет потомки древнего народа вельсов хранят священную реликвию жителей Атлантиды. И будут хранить до тех пор, пока не наступит время, пока человечество не будет готово принять бесценный дар предков. Никто не знает, что собой представляет этот артефакт и где он спрятан. Многие ученые стали сомневаться в его существовании. Многие охотники за сокровищами отчаялись его отыскать. Многие – но не все.

В центре странных событий, произошедших в Северной столице, оказывается Надежда Лебедева – питерская домохозяйка и по совместительству большая любительница детективных историй. Ей предстоит разобраться, как загадочная смерть ее соседа связана с артефактом, о котором слагают легенды.

Наталья Александрова

Ночное солнце

© Н. Александрова, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

– Ну вот и все! – Надежда с удовлетворением оглядела чисто прибранную квартиру.

Нигде ни пылинки, воздух свежий, ничего лишнего не валяется на стульях и на диване. В прихожей полный порядок, зимняя обувь давно убрана, пальто и куртки висят в стенном шкафу в специальных чехлах, свитера лежат аккуратной стопкой, проложенные душистыми пакетиками с лавандой от моли.

Середина июня, лето вступило в свои права, не понадобятся больше теплые куртки и ботинки.

Надежда еще раз оглядела квартиру. Ни пылинки, ни соринки. Но если на то пошло, то кому пачкать-то? Муж вчера уехал в Москву по делам и пробудет там неделю. Кота еще раньше увезли на дачу к бабушке. Дочка Алена с семьей приедет только в августе. А сама Надежда вот уже два года не работает. Как сократили весь их отдел в НИИ, так и осела она дома, муж так велел.

По первости Надежда очень переживала, чувствовала себя никому не нужной домохозяйкой (ужасное слово). Но летом, наоборот, очень даже приятно чувствовать себя свободной. Тем более лето в кои-то веки выдалось вполне приличное. Жары нет, погода мягкая, теплая, комфортная, дождик изредка поливает, прибивая пыль и освежая воздух, солнышко ласковое светит…

Так что, пока муж в командировке, Надежда собралась на дачу. Кота навестить и матери в огороде помочь. Мать, конечно, сильна духом, но все же возраст дает о себе знать, так что помощь будет нелишней. Несмотря на протесты дочери и зятя, мать занимается огородом, огурцов опять насажала ужасающее количество.

Надежда взглянула на часы и решила, что есть еще время выпить кофе перед отъездом. Сумки у нее собраны, только продукты кое-какие из холодильника вынуть, да и в путь.

И только она насыпала в медную турку порцию кофе, как раздался звонок в дверь. Надежда пожала плечами – раз не по домофону беспокоят, стало быть, соседи или же техник из ТСЖ. Однако все же спросила, выйдя в тамбур, кто там.

– Да я это, Надя, я! – послышался знакомый голос, и Надежда слегка поморщилась.

Соседку Антонину Васильевну она не то чтобы недолюбливала, но относилась к ней с большой осторожностью. Антонина Васильевна была известна не только в их доме, но и во всем микрорайоне. Она была уже в преклонных летах, но довольно бодра, хоть и имела весьма плотную комплекцию.

Антонина Васильевна всегда была в курсе всех событий в доме и во дворе. Обладая прекрасной памятью и острым зрением, она узнавала всех жильцов в лицо, знала по именам их домашних любимцев и помнила номера машин.

Нельзя сказать, что жильцы были очень довольны ее наблюдательностью, поскольку Антонина Васильевна всегда безошибочно определяла, по какому делу идет, к примеру, в тринадцатую квартиру незнакомый мужчина, в то время как хозяин этой квартиры в данный момент в командировке, а ребенка жена отправила на экскурсию в Пушкинские Горы.

Но была от Антонины и польза. Так, она предотвратила несколько квартирных краж и пожар в подвале, когда дворничиха Люба напилась и включила в розетку пустой электрический чайник.

Чутким носом уловила Антонина запах горелого провода, и успели попасть в подвал прежде, чем занялось одеяло на кровати. Дворничиха Люба не пострадала, ее уволили с работы, она уехала в свою деревню и там уже по пьяному делу сгорела вместе с избой.

Но это совсем другая история, а Антонину Васильевну в доме зауважали и дали прозвище Недреманое Око.

И вот сейчас Антонина Васильевна стояла за дверью. Надежда стерла с лица недовольную гримасу и впустила соседку.

– Надя! – начала та сразу же, без предварительных ритуальных вопросов о здоровье и самочувствии. – Тут такое дело, прямо не знаю, как сказать!

– Говорите прямо, – посоветовала Надежда, зная уже по опыту, что избавиться от Антонины не удастся. Просто так ведь не выгонишь, и дверь нельзя не открыть, поскольку Антонина знает, что она дома. Потом внизу подкараулит, будет очень неудобно.

– Нашли! – выпалила Антонина, последовав Надеждиному совету.

– Да вы что? – воскликнула Надежда и невольно отступила от двери, чем тотчас же воспользовалась Антонина Васильевна, чтобы протиснуться в тамбур.

Уже несколько дней их подъезд, да что там, и весь дом, пожалуй, сильно лихорадило. Пропал жилец с того же этажа, где жила Антонина Васильевна. В квартире напротив жила семейная пара – муж и жена Дроздаевы.

Надежда их знала мало, поскольку переехала в эту квартиру к мужу не так давно, года два назад, когда сын Сан Саныча уехал с семьей работать по контракту в Канаду. Антонина же, естественно, с соседями общалась, собственно, благодаря ей и так широко известно всему населению дома стало об исчезновении Максима Дроздаева.

Поначалу все было как обычно. Задержался человек на работе, застрял в пробке. Жена заволновалась быстро, поскольку муж позвонил ей перед выходом из офиса – еду, мол, жди с ужином.

Глубокой ночью жена стала обзванивать больницы, а когда утром секретарша поинтересовалась, отчего это Максим Петрович не явился на важное совещание, жена устремилась в полицию.

Там, однако, отнеслись к ее появлению без интереса и без удовольствия, на ее уверения, что муж никак не мог загулять с друзьями или с любовницей, только недоверчиво хмыкали.

И вот тогда за дело взялась Антонина Васильевна. Как уже говорилось, в свое время она предотвратила в доме пару-тройку краж, так что в полиции ее знали и уважали, и даже начальник отделения лично пожимал руку и хвалил за бдительность. А уж местный участковый просто ел с ее руки. Под ее усиленным нажимом заявление у гражданки Дроздаевой приняли и поискали по всем информационным базам. Проваландались дней пять и не нашли ни человека, ни

машины. И только сейчас вот Антонина принесла весть.

– Живой хоть? – спросила Надежда, прижав руки к сердцу.

Хоть и мало знала она соседей, однако волей-неволей представила себя на месте Елены. Муж пропал, она одна в полной неизвестности, ужас какой!

– Какое там! – Антонина уже входила в Надеждину квартиру. – Прикинь, позвонили из полиции, да и брякнули сразу – в нашей Екатерининской больнице лежит неопознанный труп с его документами, так что приходите и опознайте. Причем как можно скорее!

– Куда уж теперь спешить… – вздохнула Надежда, – самое страшное уже случилось…

– А у них там свои порядки! – Антонина уже уверенно стояла посреди прихожей. – Чисто у тебя, – одобрительно сказала она, – хозяйственная ты женщина, Надя, аккуратная, домовитая.

– А вы, Антонина Васильевна, по какому вопросу? – спросила Надежда, покосившись на настенные часы.

Часы эти подарила ей подруга Алка, циферблат представлял собой морду рыжего кота, и каждый час котяра моргал зелеными глазами и поводил розовым носом. Самое приятное, что этот кот был удивительно похож на Надеждиного кота Бейсика.

– Я вообще-то на дачу собралась, к маме, – сказала Надежда, – на поезд боюсь опоздать.

Она решила отставить всякие китайские церемонии и держаться с Антониной построже.

– Ох, Надя, я к тебе с большой просьбой! – Антонина прижала руки к обширному бюсту. – Лена, жена Дроздаева, то есть теперь вдова, сама не своя, боится на опознание идти. Родных у нее тут никого, и у Максима тоже не было…
Я обещала ее проводить, да вот, понимаешь, ногу подвернула…

Тут только заметила Надежда, что щиколотка соседки замотана эластичным бинтом.

– Вот какой из меня ходок? – вздохнула Антонина.

– Как же вас так угораздило? – недовольно спросила Надежда. Она уже примерно представляла суть просьбы Антонины.

– Да случайно, с дивана неудачно встала! – оправдывалась Антонина. – И теперь хоть и близко больница, но я не дойду. А как Лену одну отпустить? Она в таком состоянии, таблеток напилась, соображает плохо… Ведь шесть дней уже вся на нервах.

– Неужели шесть дней прошло? – удивилась Надежда.

– Ага, и шесть ночей она не спит, сама сказала… Надя, я тебя очень прошу, проводи ты Лену в морг! Тебе на том свете зачтется, что ты вдову поддержала в трудную минуту!

– Да что вы ее раньше времени во вдовы-то определяете, – сдаваясь, сказала Надежда, – может, еще это не он…

– Он, – вздохнула Антонина Васильевна, – позвонил следователь и сказал – в нашей, мол, Екатерининской больнице лежит неопознанный труп с документами Дроздаева М. П. Так что он это, можно не сомневаться. Бедная Лена! Жили себе люди, жили тихо-спокойно, ниоткуда беды не ждали…

– Беда всегда неожиданно приходит, – философски заметила Надежда, запихивая сумки под вешалку, и подумала, что хорошо, что кофе она выпить не успела перед походом в морг.

Елена Дроздаева, открывшая им дверь, выглядела ужасно, чему Надежда не удивилась.

– Вот, Лена, – суетилась Антонина Васильевна, – вот Надя тебя проводит, чтобы ты не одна была там… Ты ведь знаешь Надю с седьмого этажа?

Елена слабо кивнула, причем Надежда сразу поняла, что она отреагировала только на вопросительную интонацию, не уразумев сути вопроса. И правда, нельзя ее одну отпускать в таком состоянии, еще под машину попадет.

– Платочек черный тебе принести? – спрашивала Антонина. – А то нехорошо с непокрытой головой…

– Какая разница! – Елена отмахнулась, на миг придя в себя, и взгляд ее стал осмысленным.

Надежда была полностью с ней согласна. Антонина Васильевна перекрестила их и похромала к себе, а Надежда с новоиспеченной вдовой сели в лифт.

Идти было недалеко, полторы остановки всего, а если дворами срезать, то еще ближе выходило. Дорогой молчали, Надежда не хотела заводить пустой разговор – не тот случай.

Огромный корпус больницы был виден издалека. Больница раньше была имени Клары Цеткин, и только лет десять назад, после ремонта, назвали ее Екатерининской, в честь святой Екатерины. Неизвестно, святая ли помогла или же просто времена другие настали, но больница стала гораздо лучше, говорили, что и оборудование у них появилось серьезное, и персонал теперь денег почти не берет.

Надежда в который раз удивилась, отчего больницу в свое время назвали именем Клары Цеткин. Вот какое отношение эта самая Клара имеет к больным и увечным? Если честно, Надежда понятия не имеет, кто же эти две дамы – Клара Цеткин и Роза Люксембург, ясно, что что-то революционное, но вот подробности из головы вылетели, хоть в школе и проходили.

Но вообще непонятно, чем они там думали, когда другую больницу, святого Георгия, переименовали в больницу имени Карла Маркса? Ну, этот-то точно не болел, а придумал учение о прибавочной стоимости. И еще про призрак, который бродит по Европе. Или вот еще все та же известная психбольница имени Скворцова-Степанова. Ну, за что человеку такая сомнительная посмертная слава? Ну не лежал он в этой больнице никогда в жизни, он все больше по финансам…

И ведь не только с больницами такая петрушка у них получалась. Назвали кондитерскую фабрику именем Крупской. Хорошая фабрика, конфеты вкусные. Но, насколько Надежда знает, ее тезке Крупской сладкого вообще нельзя было, у нее диабет был… Ну никакой логики. И эти люди государством управляли…

Тут они вошли в ворота больницы, и Надежда выбросила из головы пустые мысли.

Миновали главное многоэтажное здание, затем пару корпусов поменьше, свернули в узкий проход на дорожку, усаженную чахлыми кустиками.

– Вон там наверняка морг! – проговорила Надежда, увидев в конце дорожки приземистое одноэтажное здание, возле которого роились люди с характерным для похорон растерянным и виноватым видом. Далеко не все были в черном, но у некоторых женщин волосы были прикрыты черными косынками.

Надежда и ее спутница подошли к дверям морга.

К ним метнулась высокая худая женщина с лихорадочно блестящими глазами и спросила резким, надтреснутым голосом:

– Вы с работы?

– С какой работы? – Елена испуганно попятилась.

– С его работы, конечно! – в глазах худой женщины вспыхнула подозрительность.

– Кого его?

– Бориса Борисовича, кого же еще! – градус подозрительности в глазах незнакомки повысился.

– Нет, мы по другому вопросу! – ответила Надежда и потянула Елену внутрь.

Навстречу им тут же шагнул мужчина в черном костюме и раздраженным голосом проговорил:

– Вам же сказали, что вас позовут, когда все будет готово! Подождите на улице… покойный еще не готов к церемонии, над ним еще работают! Подождите!

– Мы на опознание, – отрезала Надежда.

Она решила взять все переговоры на себя, видя, что Елена совсем поплыла от страха и горя.

– Ах, на опознание! – Мужчина успокоился и крикнул куда-то в глубину помещения: – Леонид, это к тебе! На опознание пришли!

Он тут же ушел в соседнюю комнату, но вместо него появился долговязый тип лет сорока в несвежем халате и со страдальческим выражением лица. Вместе с ним в комнату проникло облако застарелого перегара.

– Которые тут на опознание? – осведомился он, хотя кроме Елены и ее спутницы в комнате никого не было.

– Мы, – ответила Надежда.

– Насчет Дроздова? – задал санитар следующий вопрос.

– Не Дроздова, а Дроздаева! – привычно поправила его Елена и негромко не то всхлипнула, не то икнула.

– Дроздова, Дроздаева, хоть Дроздуева, мне без разницы! Идите за мной! – Санитар развернулся и скрылся за металлической дверью, сделав женщинам знак следовать за ним. Елена вдруг заупрямилась, верно, ноги отказывались идти, так что Надежде пришлось тащить ее чуть ли не волоком.

В соседней комнате царил арктический холод. Надежда зябко поежилась и обхватила себя руками.

Елена снова всхлипнула.

Надежда огляделась.

Посреди комнаты стояли две металлические каталки, накрытые простынями с квадратными казенными штампами. На одной из них отчетливо просматривалось человеческое тело, на другой простыня обрисовывала что-то бесформенно-продолговатое, что, впрочем, тоже могло быть телом.

К этой-то каталке и направился санитар.

– Вы, значит, супруга его будете? – обратился санитар к Надежде Николаевне.

– Не я – она! – указала Надежда на Елену.

– А вы тогда кто?

– Я ее знакомая… соседка. На всякий случай пришла – вдруг ей плохо станет, – буркнула Надежда и едва сдержалась, чтобы не рявкнуть насчет того, чтобы этот тип, воняющий перегаром, занимался своим делом и не задавал дурацкие вопросы.

– А, ну если на всякий случай, то ладно… – Санитар повернулся к Елене и проговорил: – Ну, значит, приступаем к опознаванию… опознанию… только чтобы в обморок не падать…

С этими словами он отдернул верхний край простыни.

Надежда для себя решила не смотреть на покойника и честно соблюдала эту договоренность.

В самом деле, этот покойник ей ни сват, ни брат, если честно, она его и не знала толком. Нельзя сказать, что Надежда Николаевна боялась покойников, нет, она в своей жизни всякого повидала, поскольку было у нее совершенно особенное хобби, но об этом после.

Но все же процедура неприятная. Поэтому Надежда смотрела по сторонам, хотя ничего интересного там не было.

Елена ахнула, что ничуть не удивило Надежду.

Но затем она растерянно и испуганно проговорила:

– Что это?

В ее голосе было что-то такое, что заставило Надежду нарушить предварительную договоренность с самой собой и опасливо взглянуть на каталку.

Под отдернутой простыней не было ожидаемого трупа – под ней лежал узел грязного белья.

Санитар удивленно фыркнул и сдернул всю простыню. На каталке лежало еще несколько таких же узлов – и никакого трупа. Даже намека на труп.

– Не понимаю… – протянул санитар. – Что ж это такое? Был же он здесь… куда же он подевался… этого никак не может быть, чтобы он пропал…

Он наклонился, заглянув под каталку, хотя и без того было видно, что под ней ничего нет.

– Может быть, он на той? – скромно предположила Надежда, кивнув на вторую каталку.

– Не может такого быть! – отрезал санитар. – Никак не может! Вы, женщина, не говорите, чего не знаете! Вы вот, женщина, к примеру, кем работаете?

– Инженером… – ответила Надежда после секундного колебания. Она не стала уточнять, что уже несколько лет как ушла с работы и посвятила себя дому и мужу.

– Ну вот, я же в вашу работу не вмешиваюсь, а тут – моя работа… тут я все знаю, где и чего!

– Оно и видно! – перебила его Надежда. – Вы все же взгляните – может, он тут, – она показала на вторую каталку.

Санитар недовольно фыркнул, однако все же отогнул край второй простыни.

Надежда увидела лицо мертвой старухи, сморщенное, как печеное яблоко.

– Ну что, убедились? – проговорил санитар. – Я же вам сказал, что здесь его нет!

– А тогда где же он? – задала Надежда резонный вопрос. – Он же не мог сам уйти!

Санитар заморгал красными глазами, достал из кармана небольшой стеклянный пузырек и отпил из него.

– Так все же, где наш покойник? – повторила Надежда Николаевна весьма агрессивным тоном. Ей все это начинало здорово надоедать. И знала ведь, что порядка в этой больнице сроду не было, но чтобы покойника не найти, это уже за гранью… Хотя с этого алкаша какой спрос, придется начальство искать.

Приложившись к пузырьку, санитар повеселел и приобрел некоторую уверенность в себе.

– Ничего не знаю! – отрезал он строго. – Нет вашего покойника! Нет в наличии!

– То есть как это нет? – подала голос Елена, неожиданно сбросив оцепенение. – Что значит – нет? Не может этого быть! Мне же звонили, сказали, он тут…

В это время дверь мертвецкой с натужным скрипом отворилась, и вошел еще один человек – невысокого роста, несколько постарше первого санитара, в таком же несвежем халате и с маленькими, непрерывно бегающими глазками.

– Это что же здесь такое? – осведомился он у первого санитара на редкость противным, блеющим голоском, напоминающим голос престарелого козла.

– Опознавание! – ответил тот, подтянувшись и одернув халат. – То есть опознание!

– Какое еще опознание? – неприязненно проблеял человек с бегающими глазками. – Почему ты? Ты же знаешь, что такими вещами я занимаюсь!

– Да что тут такого сложного! Невелика наука! Что я, сам не справлюсь, что ли?

– То-то и видно, как ты справляешься! Сказано было – занимайся своим делом, покойниками, а к живым не суйся! К живым тебя и близко подпускать нельзя!

– Может, вы свои отношения будете выяснять потом, в свободное время? – перебила его Надежда. – Вы видите, женщине плохо! Давайте уже закончим то, ради чего мы пришли!

Елена действительно была бледна как полотно.

– А действительно, ради чего вы пришли? – проблеял низенький санитар.

– То есть как – ради чего? Ради опознания…

– Фамилия? – В руке санитара появилась какая-то разлинованная бумага.

– Дроздаев, – слабым голосом проговорила Елена. – Максим Петрович Дроздаев.

– Дрозда-аев? – повторил за ней санитар. – Так нет у нас такого покойника. Нет и не было.

– Что значит – нет? – возмущенно воскликнула Надежда. – Как это так – нет?

– Нет – значит, нет! – отрезал санитар. – Вот у меня список всех наличных покойников. Можете сами посмотреть. Воробьев есть, Владислав Иванович, и Скворешня Нина Васильевна… а никакого Дроздаева нет, и даже Дроздова!

– Но нам позвонили! То есть вот ей! – Надежда кивнула на Елену, которая на глазах становилась все бледнее. Видимо, ноги ее уже плохо держали, и Елена

прислонилась к стене.

– Кто это вам позвонил?

– Как кто? Из полиции… так и сказали – мол, нашли труп с документами на имя Максима Петровича Дроздаева… велели приехать сюда для официального опознания… мы и приехали… вы что думаете – у нас других дел нету?

– Вот кто вам звонил – к тем и обращайтесь! – упорствовал санитар. – А мы конкретно ничего не знаем и никакого вашего Дроздаева в глаза не видели!

Надежда хотела что-то ему ответить, но тут боковым зрением заметила рядом какое-то движение, повернулась и увидела, что Елена медленно сползает по стене.

Надежда подскочила к ней, подхватила и огляделась по сторонам в поисках какого-нибудь стула. Ничего подходящего в комнате не было, вообще не было никакой мебели, кроме металлических каталок. Тогда Надежда повела Елену к той каталке, на которой лежали узлы с бельем. Елена вяло переступала ногами.

– Да помогите же! – обратилась Надежда к санитарам, но те стояли на месте как приклеенные.

Надежда кое-как довела соседку до каталки и уложила на нее. Елена едва слышно пролепетала:

– Воды!

Сразу после этого ее глаза закатились.

– Да принесите же воды! – рявкнула Надежда.

Долговязый санитар Леонид наконец опомнился, подскочил к Елене и хлопнул ее по щеке. Голова Елены безвольно перекатилась на другую сторону.

– Отвали! – оттолкнула его Надежда. – Я сказала – воды, а ты ее по щекам лупишь! А сам этими руками покойников щупаешь, так, может, у тебя там миллион микробов!

– Зря вы это! – обиделся Леонид. – У нас здесь с микробами строго, у нас всюду формалин и прочие антисеми… антисептики. У нас ни один микроб не проберется! Как говорится, они не пройдут! А может, ей вот этого дать? – И в его руке появился заветный пузырек, из которого он сам недавно пил.

– Да ты вообще соображаешь, что говоришь? – прикрикнула на него Надежда. – От этой твоей гадости она точно загнется! Должна же у вас где-то вода быть?

Она оглянулась в поисках второго санитара, надеясь получить от него более разумный совет, но того и след простыл. Причем что-то подсказывало Надежде, что он ушел не за водой для Елены.

– Да что тут у вас творится? – воскликнула Надежда. – Простой воды не допросишься!

– Ну почему не допросишься? – обиделся Леонид. – Вода есть в сестринской, это вот за этой дверью, по коридору и налево… или нет, направо…

– Так принеси!

– А мне некогда! Мне с живыми работать не положено, меня только к покойникам допускают. И вообще, меня заведующий ищет! – и с этими словами Леонид исчез за другой дверью.

Надежда вздохнула, покосилась на Елену и подошла к той двери, на которую ей указал санитар.

За этой дверью действительно оказался коридор, но, пройдя по нему направо, Надежда наткнулась на другую дверь, неплотно прикрытую. Она толкнула ее, выглянула и поняла, что дверь выходит на улицу, точнее, на площадку перед моргом.

В двух шагах от двери курил мрачный мужчина, чуть дальше толпились те люди, которых Надежда видела, подходя к моргу, среди них выделялась худая высокая женщина. Надежда торопливо захлопнула дверь и вернулась в коридор.

Пройдя еще несколько шагов в обратном направлении, она оказалась в большой пустой комнате со свежеокрашенными стенами, разгороженной пополам плотной полупрозрачной пластиковой занавеской. Надежда хотела уже пойти назад, как вдруг услышала доносящиеся из-за занавески голоса.

Она подошла ближе, собираясь отдернуть занавеску и спросить, как найти сестринскую, но что-то ее остановило.

Она прислушалась.

– Что там у тебя творится? – пророкотал низкий, уверенный голос. – Что за дурдом? Кто это в мертвецкой ошивается? Ты знаешь, нам сейчас посторонние никак не нужны!

– Да женщины какие-то пришли на опознание… – прозвучал второй голос, который Надежда узнала – это был противный, блеющий голосок санитара с бегающими глазами.

– На опознание? – переспросил начальственный бас.

– Ну да, на опознание… – проблеял санитар, – им, понимаете, из полиции позвонили, вызвали на опознание, а как раз его-то и нет… а меня там как раз тоже не было, один Ленька был, пьянь хроническая, он, понятное дело, наломал дров…

– А тебе не надо было Леонида без присмотра оставлять! Тебе надо все держать под контролем!

– Вообще, не понимаю, куда он мог подеваться… никогда у нас такого не было, и вот опять…

– А тебе и не надо ничего понимать! – отрезал бас. – Это не твоего ума дело! Твое дело какое?

– Выполнять все, что вы прикажете… – проговорил санитар заученно, как молитву.

– Вот именно!

Надежда отступила от занавески. При этом она задела ногой стоящую на полу банку из-под краски. Банка с грохотом покатилась. Бас за занавеской проговорил:

– Эт-то еще что такое?

Слушать продолжение увлекательного диалога Надежда не стала – она бесшумно выскользнула из комнаты и припустила по коридору в обратную сторону.

Вскоре она оказалась еще в одной комнате, где имелись обитый коричневым кожзамом диван, столик, пара металлических стульев и – о радость! – кулер с питьевой водой. Надежда налила стаканчик холодной воды и понеслась обратно в мертвецкую, где оставила бесчувственную Елену.

Когда она вбежала в мертвецкую, возле каталки, на которой лежала Елена, копошились два очень похожих друг на друга, совершенно лысых человека неопределенного возраста, в унылых черных костюмах. Один из них бережно водил по лицу Елены розовой пуховкой, второй придирчиво наблюдал за его действиями.

– Цвета добавь! – советовал этот второй. – Очень уж она бледна! Безутешные родственники будут недовольны. Им подавай покойничка румяного, жизнерадостного, как будто он только вошел с мороза или тяпнул пятьдесят грамм коньяку…

– А я с тобой не согласен! – возразил первый мужчина в черном. – К ее цвету волос некоторая бледность даже идет… получается такой, знаешь, романтический образ… как панночка в «Вие»… некоторым родственникам такое нравится…

– Оставьте ее в покое! – воскликнула Надежда, подбегая к каталке. – Не трогайте ее!

– В чем дело? – Человек с пуховкой повернулся и удивленно взглянул на Надежду. – Это ваша покойница? В таком случае мы прислушаемся к вашим пожеланиям…

– Вы что, совсем сдурели?! – не своим голосом закричала Надежда. – Крыша у вас окончательно поехала? Живого человека от покойника отличить не можете?

– Живого? – Человек в черном взглянул на своего двойника. – То-то я гляжу, какой-то у нее цвет лица нездоровый… а если она живая, почему же она тут лежит, на каталке, вместе с нормальными покойниками? Это непорядок!

– Безобразие! – возмущалась Надежда. – Что здесь у вас творится? Я буду жаловаться!

Двойники смотрели на нее недоверчиво. Видимо, они все же сомневались в том, что Елена жива. Надежда плеснула в лицо соседки водой, та охнула и открыла глаза. Надежда поднесла к ее губам пластиковый стаканчик с остатками воды и придержала ее голову, чтобы Елена могла сделать глоток.

– И правда, живая! – с явным разочарованием проговорил один из черных двойников, и они, переглянувшись, покинули мертвецкую, утратив интерес к ожившей.

Елена приподнялась, в ее глазах проступило осмысленное выражение. В следующее мгновение она с ужасом осознала, что лежит в мертвецкой, на металлической каталке, предназначенной для покойников. Она поспешно сползла с нее с помощью Надежды, и женщины торопливо направились к выходу.

Правда, выйдя из мертвецкой, они пошли не в ту сторону и оказались в коридоре, где Надежда бегала незадолго до того в поисках воды. Но тут она, к счастью, увидела дверь, выходящую на улицу, и вывела Елену на свежий воздух.

Всю дорогу Надежда просто кипела от возмущения. Ну это же представить невозможно, что в этом морге творится, до чего они докатились! Живых людей с покойниками путают! И хамство кругом, какое несусветное хамство! К ним люди попадают, у которых горе, а они так хамят!

Ну это-то как раз неудивительно, привыкли люди к человеческому горю и не реагируют уже. И санитары в покойницкой все пьяницы, нормальный человек туда работать не пойдет.

Хуже всего было то, что Надежда не могла дать волю своему законному возмущению. Елена еле тащилась рядом, видно было, что у нее слабость и руки трясутся. Она-то ничем не виновата, и так женщине досталось.

У подъезда, как всегда, прогуливалась Антонина Васильевна, опираясь на палку.

– Ну что? – спросила она.

Елена молча отмахнулась и скрылась в подъезде, Надежда задержалась, чтобы высказать все, что накопилось у нее в душе.

– Ну это же надо! – возмутилась соседка. – Безобразие какое! Слушай, ей же при мне из полиции звонили, сказали прийти! Там люди серьезные, ничего перепутать не могли!

Про полицию Антонина Васильевна все знала из первых рук, она дружила со всем составом ближайшего отделения.

– Ничего не знаю, – Надежде вдруг все стало безразлично, – сами разбирайтесь, а я уже два поезда пропустила.

Надежда хотела вернуться с дачи через три дня, но потом решила остаться на целую неделю. А то, не дай бог, будут Елену вызывать на опознание каждый день, и Антонина снова пристанет, нога-то у нее и правда болит.

Тем более что муж позвонил из Москвы и сказал извиняющимся голосом, что конференция уже закончилась, но устроители пригласили кое-кого из

участников в подмосковный пансионат – отдохнуть и неформально пообщаться в непринужденной обстановке.

– Долго будешь общаться? – строго спросила Надежда.

– Несколько дней, – обтекаемо ответил муж, – так что сиди, Надя, на даче, отдыхай, набирайся сил.

Хорошо, что у Надежды хватило ума не говорить матери, что муж не вернется к назначенному сроку. Потому что мать навалила столько дел – какой там отдых!

Надежда едва выдержала неделю этой каторги, именуемой дачей, и уехала, как она сказала, встречать мужа. Мать своего зятя уважала за серьезность, обстоятельность и деловитость, иногда даже говорила в сердцах, что Надежда его недостойна, так что она отпустила дочь без слов.

Естественно, когда Надежда притащилась домой, волоча за собой неподъемные сумки с прошлогодним вареньем, которое стояло на даче в погребе, она встретила Антонину Васильевну. Как уже говорилось, Антонина вечно ошивалась у подъезда, так что мимо нее и муха не могла пролететь.

– Здрасте, Антонина Васильевна! – пропыхтела Надежда, плюхнув сумки прямо на асфальт. Что-то там звякнуло, но ей было уже все равно. – Как поживаете?

– Да я-то ничего, хоть нога все еще болит, – вздохнула соседка. – А вот Лена…

– Что, все еще мужа не нашли? Есть новости?

Откровенно говоря, на даче Надежда совершенно забыла про несчастье соседки. От физической работы и свежего воздуха из головы исчезли вообще все мысли. Надежда исправно трудилась в саду и огороде, находила только немного времени, чтобы сходить на речку, а вечером падала в кровать и тут же засыпала – крепко и без сновидений. Увидев Антонину, она, конечно, все вспомнила.

– Нашли, – сказала Антонина, – оказалось, он в аварию попал на машине. Сильно пострадал, лицо обгорело, так что хоронить будут в закрытом гробу.

– Ужас какой! – искренне расстроилась Надежда. – Вы сказали – похороны уже назначены?

– Ага, завтра с утра.

– Да как же полиция… выяснили, в чем дело-то? Почему ее тогда на опознание вызывали?

– Вот и я говорю – что-то там странно! – оживилась Антонина. – Отчего они так долго его искали, если авария? Ведь больше недели ни слуху ни духу, а потом – раз! И дело закрыто!

– А вдова-то что говорит?

– А она ничего не говорит, видно, таблетки какие-то пьет, вся как обалделая… молчит и смотрит мимо.

– Ну… у нее горе…

– Да еще там родственница какая-то объявилась, так она ее стережет, как цербер, никуда одну не пускает.

Ах, вот в чем дело! До Надежды дошло, что Антонина Васильевна просто обиделась. Ее отодвинула в сторону приехавшая родственница. Она-то хотела вдову опекать, приглядывать за ней и быть полностью в курсе событий, а ей намекнули, чтобы не совалась куда не просят. Причем, возможно, в грубой форме.

– Ну и ладно, – сказала Надежда, – теперь они сами разберутся. На то и родственники нужны.

– Так-то оно так… – протянула Антонина и спохватилась, видя, что Надежда подхватила сумки: – Надя, снова я к тебе с просьбой. Пойдем завтра со мной в морг!

– Опять? – простонала Надежда, едва не выронив сумки, причем теперь по звуку ясно было, что какая-то банка разбилась. – Слушайте, мне прошлого раза за глаза хватило! Как вспомню тамошние рожи… К тому же у меня создалось впечатление, что не очень-то хочет вдова посторонних там видеть.

– Да она вообще ничего не хочет, говорю же, под какими-то лекарствами она, соображает плохо! А я так не могу, чтобы с человеком не проститься! Все-таки сколько лет рядом прожили, можно сказать, дверь в дверь, ничего плохого от него не видала, приличный был человек. Вежливый, обходительный… Так что навязываться не стану, только попрощаюсь, цветочки, опять же, положу, да и ладно. Как говорится, последний долг.

– Ну, хорошо, – вздохнула Надежда, – провожу вас, а там если надумаете на кладбище ехать, то я пас!

– Да они вроде не на кладбище, они вроде в крематории его хоронят…

Последних слов Надежда не слышала, она устремилась к дверям подъезда.

Вот, надо было еще на день на даче остаться! Лучше десять грядок прополоть, чем с Антониной в морг тащиться!

– Не знаю, стоило ли нам сюда приходить, – проговорила Надежда, увидев толпу людей перед входом в морг.

Среди них не было ни одного знакомого лица.

То есть как раз одно знакомое лицо было – посреди толпы стояла Елена в черном старомодном костюме, с черной же кружевной косынкой на голове, но и ее лицо можно было только с натяжкой назвать знакомым – такое оно было безжизненное и неподвижное.

Не лицо, а театральная маска, выражающая… нет, не скорбь, как можно было бы ожидать, а растерянность, глубокую опустошенность и отстраненность. Точно, она какое-то сильное успокоительное пьет, сразу видно.

Рядом с Еленой стояла женщина с квадратными плечами и квадратным напудренным лицом, на котором выделялись маленькие подозрительные глазки. Она цепко, по-хозяйски держала Елену за локоть и посматривала по сторонам, словно чего-то опасалась.

– Ну, как же не прийти… – возразила Антонина Васильевна, – соседи все-таки… поддержать надо человека…

– Ее и так есть кому поддержать, – Надежда кивнула на квадратную женщину.

– Ну, все равно, как же не прийти на похороны! Надо же, как говорится, последний долг… – проговорила Антонина, но уверенности в ее голосе не было.

Надежда хотела сказать, что Елена вряд ли заметила бы их отсутствие, но решила промолчать.

Антонина Васильевна, которой обыкновенно были чужды сомнения и колебания, направилась прямиком к Елене. При этом она сильно хромала, и Надежда вынуждена была поддерживать ее – без этой поддержки Антонина не смогла бы далеко уйти, хоть и с палкой.

Подойдя к безутешной вдове, Антонина Васильевна проговорила с точно выверенной долей сострадания:

– Прими, Лена, наши соболезнования! Очень, значит, сочувствуем твоему горю…

Елена никак не отреагировала на ее слова, как будто не слышала их, даже головы не повернула. Зато квадратная женщина, державшая ее за локоть, быстро оглядела женщин подозрительным взглядом и строго осведомилась:

– С работы?

При этом глаза ее просверлили Антонину Васильевну, как два закаленных победитовых сверла просверлили бы кусок залежалого черствого сыра. Надежду она не удостоила взглядом, видимо, не считала ее опасной.

Зато сама Надежда перехватила взгляд Елены.

Впрочем, от этого не было никакого толка: Елена скользнула по ней пустым, безразличным взглядом, явно ее не узнавая. В глазах мороженой трески и то бывает больше чувства.

Надежда ничуть не обиделась: переживает женщина, страдает, ей сейчас ни до чего и ни до кого. Опять же, напилась какого-нибудь успокоительного и ничего не понимает.

– Соседи… из одного дома… – машинально ответила Антонина, невольно попятившись и опустив глаза, и тут же на ее лице проступило удивленное и обиженное выражение: она, никогда и ни перед кем не робевшая, растерялась перед этой неприятной женщиной и уступила ей стратегическую инициативу.

– Ах, соседи… – проговорила та с неуловимо презрительной интонацией и поджала узкие губы, накрашенные красным. – Если соседи, тогда ладно. Только имейте в виду – автобус у нас маленький, на всех места не хватит.

– Да мы и не собирались никуда ехать, – ответила Антонина Васильевна, начиная закипать.

– И на поминки приглашены только самые близкие! Исключительно близкие!

– Да нужны нам эти поминки! Мы здесь простимся и пойдем… у нас и времени нету…

– И никакого отпевания тоже не будет! – отчеканила квадратная женщина и отвернулась, утратив всякий интерес.

– Это кто же такая? – осведомилась Надежда, когда они с Антониной Васильевной оказались на безопасном расстоянии от Елены и ее суровой спутницы.

– Тетка ее вроде… – отозвалась Антонина, все еще переживавшая свое моральное поражение. – Или не ее, а мужа… покойного. Или не тетка, а двоюродная сестра.

– Вы же вроде говорили, что у них никакой родни нет.

– Ну, тогда и не знаю, откуда она взялась. Держится по-хозяйски, Елену стережет, как собака двор…

Надежда мысленно отметила, что на ее памяти это первый случай, когда Антонина Васильевна чего-то не знает. Ну, или хотя бы в чем-то не уверена.

В это время двери морга распахнулись, на пороге появился человек в черном костюме и деловитым голосом с умеренным оттенком дежурной скорби провозгласил:

– Родные и близкие Максима Петровича Дроздоваева, проходите для прощания!

– Опять фамилию переврали, – вполголоса проговорила Надежда. – Никогда правильно не произнесут!

Присутствующие потянулись в двери.

Квадратная женщина стояла перед самым входом и суровым взглядом просвечивала каждого входящего, словно сортировала их на чистых и нечистых. Антонина Васильевна шагнула было вперед, но затем притормозила – ей не хотелось снова сталкиваться с хамской бабой, и она ждала, когда та отойдет от двери. Но квадратная женщина стояла на месте.

Постепенно вся небольшая безутешная толпа втянулась в морг, и Антонина Васильевна, сильно прихрамывая, направилась к двери, опираясь на руку Надежды.

Но когда они уже были перед самой дверью, квадратная женщина взглянула на них, мстительно усмехнулась, проскользнула внутрь и громко захлопнула за собой дверь перед самым носом Антонины Васильевны.

И тут же за дверью лязгнул засов.

Антонина Васильевна возмущенно побагровела и запыхтела, как рассерженный еж.

– Да что же это такое… – пробормотала она.

Надежда машинально дернула дверную ручку, но злополучная дверь была заперта.

– Ну вот, – проговорила она расстроенно, – говорила же я – зря мы сюда пришли, только на хамство нарвались! Пойдемте уже домой… нас здесь явно не ждут…

– Ну уж нет! – пропыхтела Антонина. – Чтобы я ей это спустила? Не бывать такому! Мы пришли с человеком проститься – и мы с ним простимся, хочет она этого или нет! Чтобы не дать проститься – это уже не по-людски выходит…

– Да ладно вам, – пыталась отговорить ее Надежда, – мы его вообще едва знали!

– Знали или не знали – а мы просто так отсюда не уйдем! Ну, или ты можешь идти, а я непременно туда пойду! – И Антонина Васильевна демонстративно оперлась на больную ногу. На лице ее отразилось сильное страдание.

– И как же вы пройдете, если она дверь заперла? Ломать ее будете, что ли?

– А здесь непременно должен быть запасный выход! Без запасного никак нельзя, по технике безопасности!

Надежда не знала, распространяются ли правила техники безопасности на морги, но спорить не стала.

И тут она заметила чуть в стороне от главного входа неприметную металлическую дверь без всякой таблички и надписи, и даже без дверной ручки. Она вспомнила, что прошлый раз, когда приходила сюда с Еленой на неудачное опознание, она наткнулась на этот выход, блуждая по коридорам морга.

– Да, вы правы, вон там действительно запасный выход! Вы подождите меня здесь, я сначала сама проверю, чтобы вам с больной ногой зря не ходить.

Надежда усадила Антонину Васильевну на скамеечку и направилась к металлической двери.

Без особой надежды на успех она толкнула эту дверь – и, к ее удивлению, дверь подалась, и Надежда Николаевна оказалась в знакомом полутемном коридоре.

Вспоминая прошлое посещение морга, Надежда пошла по этому коридору, но все же, должно быть, снова свернула не туда, потому что оказалась в большой, ярко освещенной комнате, посредине которой на деревянных подставках стояли два открытых гроба.

Один гроб был скромный, обитый голубой тканью. В нем лежала крупная массивная старуха, с лица которой даже смерть не стерла властное и самоуверенное выражение.

Второй гроб был дорогой, из темного полированного дерева, отделанный золотистыми декоративными накладками, с тяжелыми бронзовыми ручками, обитый изнутри белым шелком. В этом гробу покоился худенький незначительный старичок, которому явно было слишком просторно и неуютно в большом и представительном помещении гроба.

Рядом, прислоненные к стене, стояли две крышки – скромная голубая и роскошная, из полированного дерева.

Надежда мысленно отметила, что покойного мужа Елены в этой комнате нет.

И еще она отметила, что дорогой гроб кто-то успел подпортить, или он был изначально бракованный – одна из бронзовых ручек косо держалась на одном шурупе.

Что за безобразие, подумала она, даже за большие деньги норовят подсунуть брак! Впрочем, ее это не касается, она тут посторонняя. Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить…

Надежда выскользнула из комнаты с гробами, прошла еще немного по коридору и нашла наконец помещение, где толпились родственники и знакомые Дроздаевых.

Впрочем, родственников-то как раз и не было, кроме той жуткой квадратной не то тетки, не то троюродной сестры. Никто не стоял рядом с вдовой, никто не

обнимал ее и не поглаживал по плечу, никто не плакал искренне, а не напоказ.

Надежда поняла, что небольшая группа состояла из коллег погибшего. Вот мужчина средних лет в хорошем костюме, который удачно скрывает внушительный живот. Явно начальник. По выражению лица видно.

Вот женщина с очень солидным бюстом и твердым взглядом. Возраст опять-таки средний, явно не девочка. Ну, это, судя по всему, главбух, и к гадалке не ходи.

Еще несколько женщин, которые сохраняют на лицах прилично-скорбное выражение, а на самом деле думают, как бы поскорее все это закончилось. Да, точно, не было у них родственников, правильно Антонина говорила.

Квадратная тетка не суетилась и не распоряжалась, она вросла в пол рядом с Еленой и окидывала людей маленькими злобными глазками, давая понять всем, что никого к вдове не подпустит.

Впрочем, никто и не пытался к ней подойти. Надежда очень удачно спряталась за представительного начальника, чтобы раньше времени не попадаться тетке на глаза.

Запомнив дорогу, она вернулась к запасному выходу и вышла на улицу за Антониной Васильевной.

Они прошли тем же коридором в комнату для прощания и встали в задних рядах, подальше от скандальной особы. Теперь Надежда Николаевна держалась позади соседки, чтобы, в случае чего, гнев квадратной тетки обратился на Антонину Васильевну. В общем, использовала Антонину как громоотвод.

Гроб уже внесли в комнату.

Это был дорогой гроб из темного полированного дерева, с медными и бронзовыми украшениями, в точности такой, как тот, который Надежда видела несколько минут назад в задней комнате морга. Только на этот раз гроб был закрыт.

– А что, – вполголоса обратилась Надежда к стоящей рядом женщине, – разве гроб не будут открывать для прощания?

– Тсс! – Та сердито взглянула на Надежду и приложила палец к губам, но затем все же снизошла до объяснений: – Он же в аварию попал, разбился вдребезги! И сам, и машина. Максим после аварии в таком виде, что решили не открывать гроб, чтобы людей не шокировать. Зачем усугублять, всем и так несладко. Пусть он останется в нашей памяти таким, каким был при жизни. – И женщина подняла глаза к потолку.

– Пусть… – машинально повторила за ней Надежда.

Мысли ее были заняты другим.

Она разглядывала гроб.

– Не поскупилась Елена! – прошептала Антонина Васильевна, перехватив взгляд Надежды. – Красивый гроб, дорогой! Чуть не из красного дерева! Интересно, сколько он стоит?.. А сама говорила, что денег совсем нету, муж машину новую купил, еще кредит не выплачен… Так зачем же так тратиться?

– Дорогой… – как эхо, повторила Надежда.

Теперь она ничуть не сомневалась, что гроб не просто похож на тот, который она видела до того. Это был тот же самый гроб – это доказывала бронзовая ручка, косо державшаяся на одном шурупе. Эту ручку Надежда хорошо запомнила.

Да, но всего несколько минут назад в этом гробу лежал худенький старичок, ничуть не похожий на Максима Дроздаева…

Конечно, смерть меняет человека, иногда до неузнаваемости, но все же не может превратить крупного моложавого мужчину в миниатюрного старичка…

Кроме того, Дроздаев погиб в автомобильной аварии – а у того трупа не было никаких соответствующих такой смерти травм: ни царапин, ни ссадин, ни кровоподтеков…

Неужели сотрудники морга поменяли покойников в гробу, пока Надежда возвращалась за Антониной Васильевной? Но зачем? Какой в этом смысл?

Нет, они никак не успели бы это проделать. Прошло всего несколько минут.

Загадочная история!

Надежда хотела было поделиться своими наблюдениями с Антониной Васильевной, но передумала – та ей, скорее всего, не поверит, да и вообще, зачем зря волновать пожилого человека. Антонина и так на взводе. Опять же, сейчас не время для таких разговоров.

Начальник Максима сказал приличествующие в таком случае слова – какой Дроздаев был отличный работник, какой хороший член коллектива, на него всегда можно было положиться, и фирма в его лице понесла большую утрату…

Затем выступила главбух. Она говорила более искренне о том, какой Максим был хороший человек и как его любили коллеги. После этого наступило недолгое молчание, которое квадратная тетка сочла за окончание церемонии.

– Автобус ждет! – сказала она. – Поторопитесь!

Пока суетились с цветами, Надежда перекинулась парой слов с той самой женщиной, что стояла рядом.

Та сказала, что они все в шоке, хоть Максим и работал у них не так долго, но человек был неплохой – вежливый, обходительный, характер спокойный. Ужасная смерть!

На вопрос Надежды, как погиб Дроздаев, женщина нахмурилась и сказала, что мало что знает. Авария и авария, хотя водитель он был очень опытный и осторожный, за рулем капли в рот не брал, и машина у него была новая.

– Спросите у начальника, может быть, он в курсе. Вот сейчас поедем в крематорий, по дороге и поговорите, – предложила женщина и добавила, что автобус от их фирмы, начальник распорядился. Фирма называется «Теллур», там написано.

Немного выждав, Надежда потащила Антонину Васильевну в сторону запасного выхода, чтобы снова не попасться на глаза противной квадратной тетке.

До дома шли долго, Антонина рассерженно пыхтела и тормозила, хотя хромать стала меньше. Надежда простилась с ней холодно и поспешила к себе.

Дел было полно. За неделю накопилось в квартире пыли, да еще Надежда решила постирать покрывала да выгладить все, что не успела до отъезда на дачу. Домашние дела, как известно, не кончаются никогда. А завтра с утра она сходит в супермаркет, заглянет еще на рыночек у метро и приготовит вкусный обед, потому что завтра должен вернуться муж. Давно пора, Надежда соскучилась.

Однако муж позвонил вечером и сказал, что задерживается еще дня на три. Там, мол, такие интересные люди собрались, что очень нужно пообщаться. Голос у мужа был веселый и радостный, кроме того, слышалась музыка и женский смех.

Надежда Николаевна была неглупа от природы. И долгое время приучала себя к самодисциплине. Поэтому она не поступила как обычная жена, то есть не начала орать и саркастически хмыкать – мол, догадываюсь, как ты там общаешься и с кем. Вместо этого она кротко поинтересовалась, какие в пансионате условия и как муж себя чувствует – хорошо ли спит по ночам и не болит ли что от тамошней пищи.

– Что ты, Надя! – закричал муж, чью бдительность она умело усыпила своим кротким голосом. – Тут условия замечательные, кормят просто прекрасно, как в самом лучшем ресторане, а природа какая! Рядом с пансионатом озеро, вода теплая, купаться можно, лодку можно взять! Закат такой красивый, вечером, знаешь, как у Блока: «Над озером скрипят уключины и раздается женский визг…» Ой! – Муж понял наконец, что болтает лишнее.

«То-то, что ой! – подумала Надежда. – Ой, так езжай домой!»

Она пожелала мужу здоровья и поскорее отключилась. И хоть муж никогда не давал ей повода для ревности, все же от разговора остался неприятный осадок, уж больно счастливый был у него голос. И если продолжить стихотворение, то как там дальше? Ага, «ее упругие шелка, и шляпа с траурными перьями,

и в кольцах узкая рука… и очи синие бездонные цветут на дальнем берегу».

Красиво, ничего не скажешь. Неужели завелась там, в пансионате, какая-то незнакомка? Да быть не может, чтобы муж, такой солидный, серьезный, немолодой человек…

«Седина в бороду – бес в ребро!» – тут же услужливо подсказала память, и Надежда разозлилась.

Еще не хватало мучиться подозрениями, а потом вывалить все это на мужа. Или, наоборот, затаиться и подозревать его во всех грехах, принюхиваться при встрече, осматривать белье и рубашку, читать сообщения в его телефоне. Стыд какой, что это на нее нашло?

Это все из-за стихов, поняла Надежда. Это муж любит цитировать стихотворные строчки в разговоре к месту и не к месту, а она до сих пор такого за собой не замечала. Истинно говорят – с кем поведешься, от того и наберешься!

Надежда успокоилась и выбросила глупые мысли из головы, сосредоточившись на домашней работе.

Спала она плохо. В квартире было душно, несмотря на раскрытые окна, небо было затянуто тучами, собирался дождь. Обычно в это время белые ночи, светло, но сегодня были унылые сумерки. Надежда отдернула плотные занавески, чтобы в комнату попало больше воздуха, и наконец заснула.

Разбудил ее дождь. Лило так, как бывает только летом. Надежда ожидала грозы, но миновало, гроза прошла стороной, только молнии немного посверкали.

В следующий раз она проснулась утром. Дождь прошел, тяжелые серые тучи ушли, и проглядывало из-за облаков робкое еще солнышко. От асфальта во дворе поднимался пар. Надежда вдохнула бодрящий сырой воздух и задумалась – задернуть ли занавески, чтобы солнце не мешало, и еще поспать, или уж вставать. На часах было половина восьмого. Надежда устыдила себя за лень и решила вставать.

Посмотрев напоследок во двор, она увидела, что из подъезда вышла знакомая фигура. Да это же та самая квадратная тетка, скандальная родственница Елены Дроздаевой! Ну да, она самая. Верно, ночевала у Елены, а теперь куда-то с утра намылилась. Без вещей, стало быть, не уезжает еще.

Тетка брезгливо дернулась, попав ногой в лужу у подъезда, и быстро пошла через двор, уверенно ставя ноги и широко шагая. Сегодня на ней не было черной кружевной косынки, и видны были светлые волосы, завитые мерзкими колечками. И пиджак серый, с воротником-стоечкой, напоминавший френч.

Вот, поняла Надежда, вот кого тетка напоминает. Да это же вылитая эсэсовская надзирательница из старого советского фильма! Надежда вспомнила выражение теткиного лица, эти маленькие цепкие глазки, узкие, плотно сжатые губы, накрашенные красной помадой. Ну, только хлыста и овчарки не хватает!

Тетка внезапно подняла глаза, как будто почувствовав, что за ней наблюдают, Надежда едва успела отпрянуть от окна, не сообразив, чего она, собственно, испугалась. Она у себя дома, имеет полное право в окно смотреть.

Мужественная женщина – это внутренне противоречивое выражение, то, что называется греческим словом «оксиморон». Выражение такого рода, как «живой труп», «грустная радость» или «правдивая ложь».

Соседка Надежды Лебедевой Антонина Васильевна была именно такой – мужественной женщиной. Она не боялась практически никого и ничего, кого и чего боятся обыкновенные женщины и даже многие мужчины.

Не говоря уже о таких банальных вещах, как мыши, пауки и черные кошки, Антонина Васильевна не боялась больших злобных собак, контролеров в пригородных электричках, не боялась воров и даже грабителей, благодаря чему, как уже было сказано, она смогла предотвратить несколько квартирных краж, за что ее очень уважали полицейские из ближайшего отделения.

Впрочем, на любом, самом чистом небосклоне всегда найдется хоть одно небольшое облачко.

Было такое облачко и на сияющем небосклоне Антонининого бесстрашия.

Даже два облачка.

Антонина Васильевна боялась водопроводных протечек и утечек бытового газа.

Протечки и запах газа снились ей в кошмарных снах. Наяву, к счастью, ей удавалось до поры до времени благополучно избегать этих кошмаров.

И вот на следующее утро после похорон своего соседа Максима Дроздаева, выйдя из своей квартиры, Антонина Васильевна уловила своим чутким носом легкий запах газа, распространившийся по лестничной площадке.

Антонина Васильевна похолодела. Ее кошмарный сон осуществлялся наяву.

Но мужественный человек – это не тот человек, который ничего не боится. Мужественный человек – это тот, кто умеет преодолевать свой страх.

Антонина Васильевна не отступила, не сбежала. Она принюхалась, чтобы определить источник запаха. На лестничную площадку выходили четыре двери, и Антонина Васильевна быстро определила, что отвратительный запах сочится из-за двери, за которой жила новоиспеченная вдова Елена Дроздаева.

Подойдя к двери Елены, Антонина Васильевна потянулась было к дверному звонку, но тотчас же отдернула руку, как будто обожглась: она вспомнила, как специалист из Горгаза, приглашенный в их жилконтору, говорил, что искра, вызванная электрическим звонком, может спровоцировать взрыв в наполненной газом квартире.

Тогда она постучала в дверь – сначала тихо, потом посильнее, а потом уже изо всей силы.

На этот стук никто не отреагировал.

Антонина постучала еще сильнее – с прежним результатом, то есть безо всякого результата. Она подергала дверь – но дверь, как и следовало ожидать, была заперта.

И тут Антонина Васильевна вспомнила, что примерно два месяца назад, уезжая в отпуск, супруги Дроздаевы оставили ей ключи от своей квартиры. На всякий пожарный случай, как неловко пошутил Максим Петрович. Впрочем, о мертвых или хорошо, или ничего, как говорил древнегреческий мудрец.

После возвращения Дроздаевы сразу не вспомнили о ключах, а потом… потом Максим погиб, а Елене стало не до ключей. Так что ключи от квартиры Дроздаевых все еще лежали в кухонном ящике Антонины Васильевны.

Антонина, не теряя ни секунды, бросилась в свою квартиру, схватила ключи и метнулась обратно.

Но на полпути она вспомнила еще один полезный совет того газового специалиста. Она вернулась в свою квартиру, намочила водой кухонное полотенце и обмотала им свое лицо. Только после этого Антонина открыла дверь соседской квартиры и ворвалась внутрь.

Запах газа в квартире был очень сильным, Антонина чувствовала это даже сквозь мокрое полотенце. Однако она не отступила. Пробежав по квартире, она широко распахнула все окна и только после этого зашла на кухню.

Здесь она увидела Елену Дроздаеву. Та стояла на коленях, засунув голову в духовку газовой плиты. Краны плиты были открыты, и запах газа был просто невыносим.

Антонина Васильевна закашлялась, глаза ее защипало, но она и сейчас не отступила и не сдалась. Преодолевая тошноту и головокружение, она закрыла все краны плиты, распахнула настежь окно и оттащила Елену от духовки.

Елена не подавала никаких признаков жизни, однако, приложив ухо к ее груди, Антонина Васильевна расслышала тихое, едва ощутимое сердцебиение.

С трудом дотащив бесчувственную женщину до окна, Антонина сама высунулась в это окно и отдышалась.

Сквозняки, свободно гулявшие по квартире от широко распахнутых окон, сделали свое дело. И хоть запах газа еще чувствовался, Антонине Васильевне

стало лучше, головокружение прошло, хотя тошнота еще осталась.

Теперь надо было быстро что-то делать, чтобы спасти Елену. Каждая секунда могла стать роковой.

И тут Антонина растерялась – может быть, впервые в своей жизни. Она не умела оказывать первую помощь отравленным газом. А тут была важна каждая минута…

Но тут же Антонина Васильевна вспомнила про соседку с седьмого этажа Надежду Лебедеву.

Надежда была женщина решительная и толковая, она не растеряется в критической ситуации, на нее можно положиться…

Антонина поспешно достала свой мобильный телефон и набрала номер соседки.

– Надежда! – проговорила она срывающимся от волнения голосом. – Приходи скорее! Дело серьезное, медлить нельзя! Дорога каждая минута…

Тут же сообразив, что не сказала, куда именно приходить, Антонина Васильевна уточнила:

– В квартиру Елены Дроздаевой приходи…

Надежда не подвела. Она не задала никаких лишних вопросов и меньше чем через минуту влетела в квартиру Дроздаевых, как видно, поняла по голосу соседки, что дело и впрямь серьезное и не терпящее отлагательств.

Вбежав в квартиру Дроздаевых, Надежда Николаевна почувствовала легкий запах газа. По квартире гуляли сквозняки. Надежда огляделась и крикнула:

– Антонина Васильевна, вы где?

– Здесь я, на кухне! – донесся слева от входа приглушенный голос соседки.

Надежда вошла на кухню и увидела возле широко распахнутого окна Антонину Васильевну. Антонина тяжело дышала и была непривычно бледной. У ног ее, на голубом синтетическом коврике, лежала Елена Дроздаева. Глаза ее были закрыты, лицо приобрело неприятный, тускло-розовый цвет, характерный для молочных сосисок с добавлением пищевой целлюлозы.

– Газом пахнет, – были первые слова Надежды.

– Ага, открытие сделала! – проворчала Антонина Васильевна. – Это сейчас уже почти все выветрилось. Вот что здесь было несколько минут назад!

– Что здесь случилось?

– Да вот она газ открыла и голову в духовку сунула. – Антонина кивнула на безжизненное тело у своих ног. – Ты, Надежда, не вопросы задавай, а помоги ее спасти. Вопросы будут потом. Сейчас каждая минута дорога.

Надежда была полностью согласна с Антониной Васильевной.

Вспомнив методы оказания первой помощи, которым ее учили еще на первом курсе института, на занятиях по гражданской обороне, она положила бесчувственную Елену на ровный пол, подложила ей под затылок свернутый в рулон коврик и начала делать искусственное дыхание. В то же время она велела Антонине Васильевне срочно звонить в «Скорую».

Видимо, Надежда хорошо запомнила те занятия – через несколько минут ее старания увенчались успехом, Елена хрипло вздохнула и задышала, но в себя не пришла.

Тут в дверь позвонили – это приехала «Скорая».

– Надо же, как быстро! – удивилась Антонина. – Я им только что позвонила…

– Да они же тут рядом, в Екатерининской больнице базируются! – объяснила Надежда.

Врач, молодой парень с усталыми глазами, взглянув на Елену, коротко спросил:

– Суицид?

Антонина Васильевна уже открыла было рот, чтобы подтвердить это предположение, но Надежда пнула ее под столом ногой и выпалила торопливым заполошным голосом:

– Кастрюля у нее перекипела и залила горелку, вот газ и пошел! А она заснула… хорошо, мы вот с ней, с Антониной Васильевной, мимо шли и запах почувствовали. Зашли в квартиру, а тут газу полно… ну, мы все проветрили…

– Кастрюля, говорите? – перебил ее врач и внимательно оглядел кухню.

– А кастрюлю эту мы сразу выбросили, – быстро среагировала Надежда, – правда, Антонина Васильевна?

Антонина Васильевна растерянно закивала. Она не понимала, какую игру ведет Надежда, но не хотела ей мешать.

– Кастрюля так кастрюля, – вздохнул врач, – так и запишем – несчастный случай…

– Конечно, несчастный! – закивала Надежда. – А какой же еще? Счастливый, что ли?

– Отравление бытовым газом… и еще у нее шишка на затылке. Упала она, что ли?

– Наверное… может, до этого плохо стало…

– Вы ей вообще кто?

– Соседки.

– Я за смену чего только не повидал… – снова вздохнул врач. – И передозы, и суициды, и бытовое насилие… думаете, меня чем-то можно удивить? Кастрюля так кастрюля… вы мне лучше скажите, кто ее реанимировал?

– Это я ей искусственное дыхание сделала, – призналась Надежда Николаевна.

– Хорошо, что сделали. Иначе бы уже на том свете была ваша соседка. Где вы так научились?

– В институте, – честно сообщила Надежда. – Нас преподаватель по гражданской обороне научил.

– Хороший был преподаватель. Благодаря ему и вам жизнь человеку спасли.

– А что-то она в себя не приходит…

– Ишь чего захотели! Мы ее сейчас в больницу отвезем, может, к завтрашнему дню придет в себя. Отравление газом – дело серьезное, хорошо, если без тяжелых последствий обойдется…

В квартиру поднялся жизнерадостный молодой санитар со сложенными носилками. Вдвоем с врачом они уложили Елену на носилки и вынесли из квартиры. Напоследок Надежда успела спросить у врача, в какую больницу они ее повезут.

– Да сюда и повезем, в Екатерининскую!

Оставшись вдвоем с Надеждой, Антонина Васильевна спросила:

– Надя, что это ты ему говорила про какую-то кастрюлю?

– А как же, Антонина Васильевна! Ведь иначе бы он записал ей в карту попытку суицида, и ее бы потом замучили. На всю жизнь клеймо могло остаться, могли даже на психиатрический учет поставить. А ей это надо?

– Да? А ведь и правда… молодец ты, Надя, быстро сообразила, а я и не подумала…

– Знаете что – пойдемте ко мне, поговорим. А то здесь все еще газом пахнет, да и вообще… неприятно как-то в чужой квартире. Тем более после такого…

– Лучше ко мне. Квартира рядом, на том же этаже.

Женщины заперли квартиру Елены, перешли к Антонине Васильевне, расположились на кухне. Увидев, что хозяйка поставила чайник, Надежда мигом смоталась к себе за маминым крыжовенным вареньем. Мать варила его из крупного зеленого крыжовника. Возня это была жуткая, нужно было разрезать каждую ягодку на две равные половинки, потом сутки держать их в сахарном сиропе, потом варить, беспрерывно помешивая, – в общем, полная морока. Только с железным характером матери можно было достичь в этом деле успеха.

– А теперь расскажите, – начала Надежда, налив чаю и положив на булку с маслом солидную порцию варенья, – как вы ее нашли? Думаете, действительно она… сама?

– Говорю же – квартира полна газа, а она головой в духовке… ясное дело, такое горе у человека, вот и решила руки на себя наложить. Не смогла пережить потерю, не справилась с переживаниями… Вчера-то я прозевала, когда она вернулась, сериал смотрела, спохватилась поздно, думаю, отдыхает человек, что ж будить-то, хоть выспится, а сегодня с утра выхожу из квартиры, чувствую – на площадке запах газа. Ох, страху я натерпелась!

– А окна? – перебила Надежда. – Окна были открыты?

– Нет, все закрыты были…

– А вам это не показалось странным?

– Странным?

– Ну да. На календаре июнь месяц, погода отличная. Ночью дождик прошел, воздух бодрящий. У вас, я смотрю, все окна открыты, да и у меня тоже. Что же это у Елены все было закрыто?

– Ну, она же хотела газом отравиться…

– Если она голову сунула в духовку – в любом случае отравилась бы, хоть с открытыми окнами, хоть с закрытыми. Тем более непонятно, зачем в других

комнатах окна закрывать.

– К чему ты клонишь, Надя?

– К тому, что не сама она это сделала. Кто-то у нее в квартире побывал. Помните, врач сказал, что у нее шишка на затылке? Думаю, кто-то ее ударил по голове, сунул в духовку и открыл газ…

– Не понимаю, при чем тут окна.

– А вот при чем. Окна наверняка закрыли, чтобы вся квартира наполнилась газом. Вы ведь запах газа из-за двери почувствовали, еще на площадке?

– Ну да… поэтому я к ней в квартиру и зашла. Иначе пошла бы себе мимо…

– А вы в дверь не звонили?

– Нет, побоялась. Я знаю, что, если в квартире газ, звонить нельзя – искра может вызвать взрыв.

– В том-то и дело! Тот, кто побывал у Елены в квартире, именно на это и рассчитывал – что кто-то почувствует запах газа, позвонит… и вся квартира вместе с Еленой взлетит на воздух. Но вы, к счастью, сообразили, что звонить нельзя… иначе сейчас были бы вместе с Еленой на том свете! А может, и еще были бы жертвы. Взрыв газа – это страшная вещь! Настоящая катастрофа!

– И зачем же это?

– Затем, что тогда бы никаких следов не осталось. Взрывом бы все уничтожило.

– Ужас какой! – Антонина Васильевна побледнела. – Надя, ты это серьезно или просто напугать меня хочешь?

– Зачем мне вас пугать? Просто очень похоже, что кто-то очень хотел от Елены избавиться.

– Да кому она мешала-то?

– Вот этого я пока не знаю. Хотя кое-какие предположения у меня есть. Помните ту тетку, которая Елену пасла на похоронах, никого к ней не подпускала?

– Конечно, помню! Хамка ужасная! А она-то тут при чем?

И Надежда рассказала Антонине Васильевне, что сегодня утром видела эту квадратную тетку возле их дома.

– Ты думаешь, это она?

– Во всяком случае, очень похоже. Если она выходила от Елены незадолго до вас, то наверняка она все и подстроила. Оглушила вдову, а потом сунула ее голову в духовку и все вентили открыла. Газ и пошел, всего-то минут двадцать нужно, чтобы вся квартира пропахла и на лестницу вышло.

– Но чем ей помешала наша Елена? Зачем ей понадобилось ее убивать?

– Опять-таки я этого не знаю. Но постараюсь выяснить. И вообще, в этом деле очень много странного.

– Надя, – сказала Антонина Васильевна и отставила пустую чашку, – ты еще что-то знаешь. Говори уж, я же вижу, как у тебя глаза блестят, что-то ты нарыла.

Надежда поглядела ей в глаза и поняла, что Антонина ни за что не отстанет, поэтому тут же рассказала соседке, что видела в задней комнате морга тот самый дорогой гроб, который потом выставили для прощания с Максимом Дроздаевым. Только лежал в этом гробу не Максим Петрович, а какой-то незнакомый, посторонний старичок.

Антонина Васильевна взглянула на нее с явным недоверием:

– Что-то ты, Надя, рассказываешь несусветное! Ерунда какая-то! Мало ли похожих гробов…

– Может, конечно, и немало, но только этот гроб был не просто похожий. Это был тот же самый гроб. Я же вам говорю – у него правая ручка держалась на одном шурупе, а уж таких совпадений точно не бывает.

– Ну, не знаю… а что же ты мне сразу про это не рассказала? Что так долго тянула?

– А я подумала, что вы мне не поверите. Я и сама себе не очень поверила. Но теперь, после этой истории с газом, начинаю верить. И обязательно разберусь.

– Ну, Надя, слышала я, что ты такими делами занимаешься… расследованиями всякими криминальными… то есть детективными… а может, лучше все это полиции рассказать? Пускай они этим делом занимаются! У них больше возможностей. А я в нашем отделении всех знаю…

– А как вы думаете – поверят они во все это? Вон даже вы мне не верите!

Антонина Васильевна задумалась. По всему выходило, что Надежда права. Полицейские отнесутся к ее рассказу с недоверием. Очень уж странная была история. В самом деле, отравление газом посчитают несчастным случаем или попыткой суицида, а насчет гроба просто отмахнутся, все равно ведь теперь ничего не проверишь, раз покойника сожгли.

– Получается, ты права, – неохотно согласилась соседка. – В полицию обращаться бесполезно…

– Кстати, вы вот сказали, что знаете всех в нашем отделении, и я вспомнила, что у меня тоже есть знакомый в автоинспекции. Надо бы ему позвонить.

– А при чем тут автоинспекция? – в очередной раз удивилась Антонина Васильевна.

– Ну как же! Ведь Максим Дроздаев погиб в автокатастрофе. Так нам сообщили. Так вот, хорошо бы узнать подробности той аварии. Кто в ней участвовал, были ли еще жертвы… вы ведь помните номер и марку его машины?

– А как же! – Антонина приосанилась. – Я все машины жильцов нашего подъезда помню. И даже соседнего. А которые не помню – те у меня записаны.

И Антонина Васильевна без запинки продиктовала номер машины покойного Максима Петровича.

Надежда только позавидовала ее памяти. Сама она на такие чудеса не была способна, но зато в памяти ее мобильного телефона хранилось множество полезных номеров, в частности, номер сотрудника автоинспекции, майора Синицына, с которым Надежда Николаевна познакомилась во время одного из своих самодеятельных расследований.

Тогда она очень помогла этому человеку, и он опрометчиво пообещал ей отплатить за это любой доступной помощью. Расстались, в общем, они по-хорошему.

Набрав его номер, Надежда заворковала:

– Здравствуйте, Алексей Павлович! Вы меня еще помните?

– Ну как же, Надежда Николаевна! Разве вас можно забыть? – галантно ответил Синицын, как видно, у него было хорошее настроение. – Надеюсь, у вас все в порядке?

– Более-менее. А вы не сможете мне оказать небольшую услугу?

– Для вас – все, что угодно! – опрометчиво выпалил майор, но тут же оговорился: – В пределах разумного. И если это не противоречит законодательству.

– Что вы, разве я попрошу о чем-нибудь противозаконном? Дело вот в чем. Муж одной моей знакомой… почти родственницы… попал в серьезную аварию. Так вот, нельзя ли узнать подробности этой аварии – кто еще в ней участвовал, есть ли пострадавшие, ну, все, что только можно. А то ей – моей знакомой – ваши коллеги ничего не говорят, и она очень переживает…

– Вообще-то это непорядок. Участников дорожно-транспортного происшествия по правилам должны подробно проинформировать обо всех его деталях… ладно, Надежда Николаевна, говорите, как зовут мужа вашей знакомой и какая у него машина, я постараюсь узнать все, что можно.

– Зовут его Максим Петрович Дроздаев, а машина у него – белая «шкода» с номером…

Надежда не сказала, что Максим Петрович погиб в той аварии, чтобы раньше времени не отпугнуть своего знакомого. Ну, он это все равно рано или поздно узнает, так пусть сначала займется поиском информации…

– Хорошо, узнаю об этой аварии все, что можно! – пообещал майор Синицын и отключился.

Антонина Васильевна с уважением взглянула на Надежду:

– Надо же, какие у тебя полезные знакомые! А что же ты чай не пьешь, наливай еще по чашке! – И она достала из буфета коробку шоколадных конфет.

Они выпили по чашке чая, обсуждая странные похороны, потом еще по чашке, и тут телефон Надежды зазвонил.

– Майор Синицын! – прозвучал в трубке строгий голос.

– Быстро вы, Алексей Павлович! – льстивым тоном ответила Надежда. – Уже узнали все подробности той аварии?

– А не было никакой аварии. Потому и быстро, что нечего было узнавать.

– То есть как не было? – растерянно переспросила Надежда. – Вы уверены?

– Если бы не был уверен – не говорил бы! Вы меня знаете, я попусту не болтаю. Мне даже звонить никому не пришлось. У меня есть обновляемая база данных по всем дорожно-транспортным происшествиям нашего региона, так вот, «шкода» с теми номерами, которые вы мне продиктовали, в этой базе не отмечена. А это значит – она ни в какой аварии не участвовала.

– Странно… но вы сказали, что эта база содержит аварии только нашего региона. Так, может, та авария случилась в другом регионе, поэтому и не попала в вашу базу? Может, нужно ее проверить по федеральной базе данных?

– А вы что – не знаете, где была авария? Впрочем, это неважно, потому что та «шкода» ни в какой аварии не была.

– Откуда вы знаете?

– Раз говорю, значит, знаю! Не найдя эту машину в базе аварий, я запустил ее номера в расширенный поиск и очень быстро нашел ее в другой базе…

– А, значит, все же нашли!

– Да, но только не в базе ДТП, а в базе сделок с транспортными средствами…

– Сделок? Каких сделок?

– Самых обыкновенных. Продал ваш Дроздаев свою машину. Все как полагается, продал Степаненко Светлане Викторовне, она уж и на учет ее поставила.

– Продал? – растерянно переспросила Надежда. – Как продал? Ничего не понимаю!

– Ну, это уж я не могу сказать. Может, срочно понадобились ему деньги, продал машину, а жене сказал, что попал в аварию и разбил. Кстати, это незаконно – ведь жена имеет полное право на половину стоимости машины…

– А когда он ее продал? – наугад спросила Надежда.

Майор назвал дату продажи.

Эта дата приходилась на тот период, когда Максим Дроздаев пропал без вести и еще не поступило сообщение о том, что найден труп с его документами…

– Вот, значит, все, что я узнал, – закончил разговор Синицын. – Если еще что понадобится – звоните!

– Непременно! – ответила Надежда, и если слова майора были проявлением простой вежливости, то Надежда, несомненно, была намерена воспользоваться его предложением.

Антонина Васильевна с удивлением выслушала новую информацию и только покачала головой:

– Ну надо же! Ничего не понимаю! Сказали же, что в аварии сильно обгорел, оттого и в гробу закрытом хоронили. А если не было аварии, почему гроб не открывали?

– Я тоже пока мало что понимаю, но непременно разберусь. Надеюсь, с вашей помощью.

Поднявшись на свой седьмой этаж, Надежда ощутила себя немного неуверенно.

Во-первых, она собралась разобраться в деле явно криминальном, что может быть опасно. Но не это беспокоило Надежду, ей это было не впервой, и опасность расследования только придавала ее жизни остроты, а беспокоило ее то, что Елену Дроздаеву она почти не знала и Елена не просила у нее никакой помощи.

«Ну и что? – сердито подумала Надежда. – Небось когда газом ее отравить хотели, она тоже помощи не просила, а мы с Антониной ее спасли!»

Во-вторых, и это самое главное, муж Сан Саныч очень, ну просто очень не одобрял Надеждины увлечения всякими криминальными историями. И добро бы еще триллеры по телевизору смотрела или детективы с расчлененкой по вечерам читала. Так нет же, его жена искала приключений на свою голову в реальной жизни!

Началось это давно, а потом друзья и знакомые все время попадали в разные истории, и так получалось, что Надежда оказывалась рядом и помогала им выпутаться из криминальной ситуации. Получалось, надо сказать без ложной

скромности, у нее неплохо, было за все время один или два прокола, но про них знала только Надежда. И вообще, помогала она людям не для славы.

Муж таких ее действий очень не одобрял. Он говорил, что это опасно, что нельзя безнаказанно искушать судьбу и дергать ее за усы, что рано или поздно судьбе это надоест и она, судьба, перестанет смотреть на Надеждины художества сквозь пальцы, и тогда уж… Дальше муж даже продолжать боялся.

По первости Надежда Николаевна сделала пару раз такую глупость – рассказала ему все подробно. Наслушалась тогда всякого. Мало того, муж буквально силой вынудил ее дать честное слово, что она никогда и ни за что не станет ввязываться во всякие расследования.

Что ж, слово, конечно, не воробей, поймать его трудновато, однако если дал, то назад взять можно.

И Надежда решила мужу вообще ничего не рассказывать, чтобы он не волновался. А то ведь мужчины принципиальные очень, начнет ее воспитывать, она не стерпит, наговорит всякого, получится скандал, а там и до развода недалеко.

Надежда Николаевна мужем своим очень была довольна, так что внимательно следила, чтобы никакая информация о ее похождениях не просочилась наружу. И подруг, и знакомых предупредила, чтобы помалкивали в тряпочку, а не то они будут иметь дело с разъяренной Надеждой, а это чревато.

Иногда Надежда понимала, что муж в чем-то прав. Опять же, не хотелось его обманывать, известно ведь, что тайное всегда становится явным. Кто-то из знакомых проговорится, рано или поздно дойдет до мужа… дальше и думать-то не хочется.

Но сегодня Надежда была на мужа сердита. Еще бы, развлекается там в своем пансионате, да еще и поэта цитирует!

«Ладно, – подумала она, – раз он так, то и я так. Займусь, пожалуй, расследованием этого дела. Муж сам виноват, нечего жену надолго одну оставлять!»

Надежда села на диван и прикинула, что она может сейчас сделать. Куда пойти, чтобы выяснить подробности.

Значит, примерно десять дней назад у Елены Дроздаевой пропал муж. Пропал вместе с машиной, просто не вернулся с работы. Она ничего не знала и очень тревожилась.

Надежда хорошо помнит, как Елена выглядела, когда они ходили с ней в морг на опознание. В ужасе была женщина от неизвестности. Такое не сыграешь.
И очень страдала от одиночества, страшно ей было одной все это переносить.

Надежда вспомнила еще подслушанный разговор в морге между подозрительным санитаром и его не менее подозрительным начальником. Дескать, был труп, а потом куда-то исчез. А куда он делся – это не их ума дело. Но, допустим, можно списать все на больничную неразбериху и на то, что всем там в морге на все плевать. Покойники ведь претензии предъявлять не станут.

Дальше, проходит неделя, и все неожиданно меняется. Мужа вдруг нашли, полиция на голубом глазу сообщает вдове, что муж ее погиб в аварии, и дело быстренько закрывают.

А возле Елены маячит какая-то подозрительная тетка, представляется родственницей. Потому у нее это прокатило, поняла Надежда, что настоящих-то родственников у Елены не было. Если бы нашелся хоть какой завалящий дядька или двоюродная золовка, то у квадратной тетки номер бы не прошел.

– Все-таки это очень странно, – сказала вслух Надежда, – странно, что у них обоих нет никаких родственников. В капусте их обоих нашли, что ли?..

И Елена меняется. От всех шарахается, в разговоры не вступает, словно боится чего-то, да и правда, в глазах ее Надежда увидела самый настоящий страх.

Казалось бы, чего теперь бояться, когда самое страшное уже случилось? Муж-то погиб, его не вернешь.

А вот если она знала, что в гробу вовсе не муж, а посторонний человек, тогда все понятно. Запугали, сказали, чтобы вела себя тихо, а то мужу хуже будет.

Надежда повертела в голове эту мысль.

Что ж, если так, то все получается. Значит, запугали вдову. То есть не вдову, она-то думала, что муж жив, в противном случае не стала бы идти на поводу у этой жуткой тетки. Причем тетка явно не сама по себе, какая-то сила за ней стоит.

Эта тетка действует по приказу, у нее на лице написано, что сама она думать не обучена. Зато как исполнителю ей просто цены нет. Ишь, как все сделала, вдову охраняла, а потом устроила ей самоубийство, твердо зная, что никого это не удивит. Если уж в полиции поверили, что муж в аварии погиб, то уж точно не станут сомневаться, что вдова сама голову в духовку сунула.

Ну, тут, конечно, Антонина Васильевна подсуетилась, планы им спутала.

Но вот что ей, Надежде, сейчас делать? С чего начать? С Еленой поговорить? Так она небось еще без сознания. И что она скажет, когда очнется, даже если будет кое-как соображать? Скорее всего она ничего не помнит.

Ну, в лучшем случае вспомнит, что тетка ее по голове скалкой двинула, так это Надежда и так знает. Сама тетка пропала и никаких своих координат Елене не сказала.

В полиции, конечно, кто-то в курсе, тот же следователь к примеру. Однако к нему не сунешься, он молчать будет, небось большие деньги за это получил.

Ладно, обойдемся своими силами.

Да, куда ни ткнись – всюду тупик.

Но, поразмыслив еще немного, Надежда нашла крошечную лазейку. Это была проданная машина. Белая «шкода», которую погибший Дроздаев продал некоей гражданке Степаненко. Продал официально, честь по чести, только с одним «но». К тому времени он уже два дня считался пропавшим.

Надежда решила проверить, существует ли Светлана Викторовна Степаненко в действительности, или же там опять какой-то подвох. Но майор Синицын

утверждал, что с продажей машины все законно, и у Надежды нет причин ему не верить.

На этот раз не понадобилась помощь любезного майора, у Надежды Николаевны была замечательная база данных, где значились все жители Санкт-Петербурга и области, с паспортными данными и пропиской. Диск с этой базой данных Надежда не покупала на рынке, а получила в подарок от человека из одной очень серьезной конторы, когда, опять-таки, пересеклась с ним в деле совершенно случайно.

Очень не хотел он ей давать этот диск, пытался отделаться путевкой в пятизвездочный отель в Испании. Но Надежда была тверда – или диск, или ничего не надо. Человек не мог себе позволить остаться в должниках, поэтому диск дал с условием, что Надежда тут же позабудет об их знакомстве.

Да ради бога, тут же подумала Надежда. И забыла без всякого сожаления.

В противоположность симпатичному майору Синицыну, этот тип не вызывал у нее никаких теплых чувств.

Итак, если верить базе данных, то Светлана Викторовна Степаненко проживала на улице Комиссара Фиолетова. От роду она имела сорок два года, была не замужем и детей не завела. Телефон в квартире был, и Надежда тут же выяснила, опять-таки по этой базе, номер мобильного, зарегистрированного на Степаненко.

Надежда задумалась, что же теперь делать.

Звонить этой Степаненко, к примеру, из ГИБДД и вызывать для разговора в кабинет, а самой усесться рядом и следить? Опасно лишний раз связываться с ГИБДД, опять же, свой телефон светить никак нельзя. Но как с ней познакомиться, если Надежда даже не знает, как выглядит эта Степаненко?

Тут Надежда Николаевна осознала, что ей очень не хватает кота Бейсика. Вот бы с кем посоветоваться! Кот, конечно, ничего не скажет, только мигнет неодобрительно желто-зелеными глазами, но Надежде это всегда помогало.

Ничего не поделаешь, кот в данное время ловит мышей и птичек на даче у бабушки, так что придется обойтись без его советов, своими собственными силами.

Подумав еще немного, Надежда решила идти наудачу на улицу Фиолетова, а там будь что будет. Слава богу, улица эта не так далеко, не придется тащиться через весь город. Надежда придерживалась здравого принципа, что лучше один раз увидеть все своими глазами, чем сто раз услышать.

Сказано – сделано.

Оделась Надежда Николаевна скромно – джинсы, свободная футболка и брезентовая сумка на длинном ремне со множеством карманов. Сумка осталась от одной знакомой из Канады, которая по приглашению невестки гостила тут прошлым летом. Знакомая бросила сумку, поскольку ее таки разрезали в метро. Но ничего из нее не вытащили, потому что, по совету Надежды, знакомая не носила в этой сумке ни ключей, ни денег, ни документов.

Надежда аккуратно зашила разрез и оставила сумку на такой вот случай, когда понадобится сменить имидж. Она еще сунула в сумку яркую кепку-бейсболку и вышла из квартиры.

Народу в городе по случаю лета и хорошей погоды значительно поубавилось, даже маршрутка была полупустой. Надежда доехала быстро до улицы Комиссара Фиолетова. Дом номер пять был самым обычным домом – не слишком старый, но и не новостройка. Двор ничем не загорожен, никакой, разумеется, охраны и шлагбаума. Машины жильцов стояли тут же, чуть в стороне. Опять-таки по летнему времени их было немного, так что Надежда без труда обнаружила среди них приметную белую «шкоду» со знакомым номером.

Так-так, стало быть, Светлана Викторовна дома.

Надежда прикинула, в каком подъезде может находиться квартира номер тринадцать, и уселась на скамеечку на детской площадке, сделав вид, что развязался шнурок на кроссовке. Потом она достала мобильный телефон и сделала вид, что читает сообщения.

Никто не обращал на нее внимания, детей на площадке не было – все на даче или на море.

Надежда посидела минут двадцать и поняла, что нужно что-то предпринять. Хотя бы убедиться, что Светлана Викторовна действительно дома. Может, она на работе или вообще в отпуске… Хотя это вряд ли, что-то подсказывало Надежде, что не время сейчас уходить госпоже Степаненко в отпуск.

Тогда она решилась и набрала номер телефона, установленного в квартире тринадцать. Ответил приятный женский голос.

– Степаненко Светлана Викторовна? – спросила Надежда любезно, но холодно. – Вас беспокоит помощник вашего муниципального депутата Гусенкова.

Она совершенно справедливо полагала, что обычный человек понятия не имеет, как зовут его муниципального депутата, он его в глаза никогда не видел. За редким исключением, конечно. Вот Антонина Васильевна наверняка знает своего депутата.

– Слушаю вас, – голос в трубке тоже стал более холодным.

– Дело в том, – продолжала Надежда, – что мы проводим выборочный опрос жителей нашего микрорайона. Нужна ли нам автостоянка на перекрестке улиц Фиолетова и Джапаридзе, или же лучше разбить там сквер? А то еще некоторые жители предлагают устроить там небольшой рынок…

– Простите! – перебили Надежду. – Дело в том, что я очень спешу. Уже, можно сказать, одной ногой на площадке нахожусь! Так что не смогу с вами поговорить, извините!

– Я перезвоню в другое время, – сказала Надежда, но трубку уже бросили.

«И чего я добилась? – спросила она мысленно. – Вполне возможно, что эта Степаненко просто так ляпнула, что спешит, кому охота на дурацкие вопросы отвечать? С другой стороны, если у нее машина есть, а семьи нет, то непременно голосовала бы она за автостоянку. Потому что с этим у автовладельцев всегда проблемы, это сейчас здесь свободно, потому что

лето…»

Надежда вздохнула и тут увидела, что из нужного ей подъезда выскочила женщина. И что-то в ней показалось Надежде Николаевне знакомым.

Так, худенькая, среднего роста, волосы светлые, стрижка короткая. Симпатичная, в общем, женщина, но ничего такого особенного. Одета обычно, как все, хоть и сидит все, конечно, неплохо, потому как лишнего веса нету.

Тут Надежда привычно вздохнула, вспомнив, что у нее-то есть несколько лишних килограммов. И если со стороны это почти незаметно, то весы каждое утро неуклонно ей об этом напоминают. Ну, лучше не думать о плохом.

Женщина вежливо поздоровалась с двумя бабульками, сидевшими на скамейке у подъезда, и заторопилась по своим делам. И пока Надежда раздумывала, та это женщина или не та, судьба поднесла ей неожиданный подарок.

– Света! – крикнула одна из старушек. – А тебя ночью шум не беспокоит? А то Звонаревы квартиру сдали какой-то девице, так она сегодня в два часа вышла на балкон курить, да еще по телефону разговаривает. Я проснулась, чувствую – дымом пахнет, подумала, что пожар!

– Да нет, не слышала я ничего, – ответила женщина и заторопилась через двор к улице.

«Что же ты, голубушка, на новой машине не ездишь? – ехидно подумала Надежда. – Или водить не умеешь?»

Надежда Николаевна вовсе не была по характеру вредной, просто интуиция подсказывала ей, что с этой Светланой Викторовной все не так просто. Начать с того, что она очень похожа на вдову Дроздаева Елену. Не то чтобы одно лицо, а по типу, по внешнему облику. Фигура, походка, взгляд, поворот головы…

Стало быть, покойному Максиму Дроздаеву нравились именно такие женщины. Вот, кстати, насчет покойника еще неясно, учитывая постороннего старичка в шикарном гробу.

Светлана между тем уже вышла на улицу и свернула направо. Надежда испугалась, что упустит объект, и собралась за ней. Однако не стала срываться с места, а сделала вид, что никуда не торопится, и пошла нехотя вперед.

И тут же буквально встала столбом, потому что увидела, как за Светланой устремилась очень знакомая фигура. Совершенно квадратная женщина – с квадратными плечами, с квадратной головой, прическа и то квадратная.

Надежда тут же узнала ту самую подозрительную тетю, которая сунула вдову головой в духовку. Надо же, и до Светланы Викторовны она тоже добралась!

Ясно одно: Надежда на правильном пути, Светлана явно связана с Максимом Дроздаевым, и квадратная тетка хочет за ней проследить, чтобы выйти на него.

Непонятно только, для чего тогда был весь сыр-бор с фальшивыми похоронами и последующим убийством вдовы, то есть – тьфу-тьфу! – вдова-то жива, хоть и в тяжелом состоянии. Но об этом Надежда поразмыслит позже, а сейчас надо догонять.

Светлана, а за ней квадратная тетя шли уже по улице Комиссара Фиолетова, миновали несколько магазинчиков и автобусную остановку. Светлана не делала попыток остановить маршрутку или поймать машину, стало быть, идти ей недалеко.

Надежда шла чуть поодаль, чтобы не попасться на глаза квадратной тетке. Хотя вряд ли та ее узнает, потому что на похоронах она видела женщину средних лет, одетую в темную скромную одежду, а теперь по улице идет вполне себе разбитная, ну, не девушка, конечно, но и не дама средних лет.

Надежда выпрямила спину и надвинула пониже козырек бейсболки. Все же никогда не следует недооценивать профессионалов, а что квадратная тетка профи – это сразу видно. Она шла вроде бы озабоченно, сразу видно – по делу женщина идет и больше ничего ее не волнует.

Но Надежде-то сзади было видно, что тетя аккуратно притормаживает, когда чуть останавливается Светлана, и один раз она мигом схоронилась за столбом, когда Светлана случайно оглянулась.

Случайно ли? Надежде видно было, что Светлана останавливается перед витриной, как будто рассматривая одежду на манекенах. Ошибка ее была в том, что магазин одежды был для полных, так и было написано: «Женская одежда с 50-го по 76-й размер».

«У меня сорок восьмой, – в панике подумала Надежда, – мне туда не надо».

Она тут же призвала себя к порядку, нужно быть внимательной и не отвлекаться на личное. Итак, Светлана остановилась у витрины магазина для полных, что странно, потому что ее такой магазин не может интересовать по определению, у нее-то точно размер одежды не больше сорок четвертого российского (тут Надежда снова вздохнула).

Затем, пройдя еще немного, Светлана заглянула в витрину магазина рыболовных принадлежностей, затем наклонилась, якобы застегивая пряжку на туфле. Все ясно – проверяет, нет ли слежки.

Квадратная тетка, видно, тоже поняла, что рано или поздно ее обнаружат, поэтому прижала к уху мобильный телефон и проговорила туда несколько слов.

И на первом же перекрестке поблизости показался парень самого неприметного вида, в надвинутой на глаза кепке (как у самой Надежды). Парень подпирал стенку и смотрел перед собой с самым равнодушным видом, но Надежда была начеку и заметила, как квадратная тетка мотнула головой в спину Светланы. Парень еле заметно кивнул, после этого тетка исчезла, как и не было ее вовсе.

«Рокировочка, – усмехнулась про себя Надежда, – грамотно ведут объект, ничего не скажешь. Организация у них, взаимодействие четко отработано».

Светлана в это время вошла в крутящиеся двери торгового центра, парень поспешил за ней, Надежда со скучающим видом пошла следом. Парень не внушал ей опасений, он явно не так обучен, как квадратная тетка, для него главное – объект не упустить, а что за спиной делается, ему и невдомек.

Внутри Светлана огляделась, потопталась немного на месте, затем оглянулась, причем парень все же был не совсем лузером, потому что сумел юркнуть в крошечный магазинчик.

Светлана успокоилась, прошла через холл, поднялась на эскалаторе на второй этаж и устремилась к небольшому кафе, какие всегда есть в торговых центрах.

Это было самое простое кафе – стойка да несколько столиков, символически отгороженных от остального пространства ящиками с искусственными цветами.

Светлана уселась за столик почти в проходе, парень, что следил за ней, наоборот, подальше, чтобы в случае чего схорониться за ящиками. Надежда же села поближе к парню, потому что у нее возникла несколько неожиданная идея.

В торговом центре народу было немного – дневное время, опять же лето, поэтому официант подошел сразу. Светлана заказала апельсиновый сок, парень – черный кофе.

Многомудрая Надежда заказала капучино и расплатилась тут же, демонстративно поглядев на часы. Светлана поднесла телефон к уху, и Надежда заметила, что телефон был самый дешевый, такой и ребенку не купят.

Странно, вроде бы выглядит эта Светлана небедной. Ага, значит, этот мобильник у нее одноразовый, для экстренной связи, чтобы не отследили!

Светлана тихо сказала в трубку несколько слов, после чего приняла от официанта стакан с соком и сунула ему деньги, что-то спросив. Официант наклонился и ответил так же тихо.

Парень, который следил за Светланой, вытянул шею, прислушиваясь к разговору. Поморщился и даже привстал на месте, оглядывая все помещение. А Надежда в это время поставила свою сумку прямо на пол и сумела зацепить длинным ремнем за ножку его стула. Потом зацепила тот же ремень за подставку для цветочного ящика, что стояла рядом со стулом.

Парень ничего не заметил, он наблюдал за Светланой. Та отодвинула нетронутый стакан с соком, встала из-за стола и быстро направилась к эскалатору.

Парень рванулся было за ней, но не смог отодвинуть стул из-за коварного поступка Надежды – ремень ее сумки не пускал ножку стула. Он дернул

сильнее, и стул упал вместе с ящиком, из которого торчали малосимпатичные искусственные цветы.

Светлана оглянулась на грохот, в глазах ее отразился форменный ужас, она скакнула вперед испуганной ланью, выронив из кармана телефон. Парень, прорычав сквозь зубы ругательство, дернулся за ней, но был остановлен официантом.

– Куда? – ласково спросил он. – А деньги?

Официант был крупный и сильный, так что у парня не было шансов. Он торопливо сунул официанту сотню, от которой тот пренебрежительно отмахнулся.

– А стул? – спросил официант. – А ящик? А цветочки? А мои испорченные нервы?

Вот уж искусственным цветочкам точно ничего не сделалось, да и вместо нервов у этого официанта наверняка железная проволока, но Надежду этот вопрос не интересовал. Ее интересовал валявшийся на полу телефон.

Светлана уже скрылась из глаз, так что Надежда спокойно поднялась, прихватила сумку и пошла прочь. К ней у официанта претензий не было, а ее капучино пускай сам выпьет.

По дороге Надежда незаметно наклонилась и подобрала телефон. Как она и предполагала, в памяти его был только один номер. Она нажала кнопку вызова и оглядела пространство перед дверями нескольких магазинчиков.

Из одной двери как раз вышел мужчина в темных очках и схватился за карман куртки, вытаскивая телефон. У него были довольно длинные светлые волосы, и под курткой не видно было, худой он или толстый. Насколько Надежда помнила Максима Дроздаева, тот был худощавый брюнет, тем не менее, на ее острый взгляд, что-то в мужчине было знакомое. Ага, шифруется, парик небось надел. Она проговорила в трубку быстро и тихо:

– За вашей подругой следят. Связываться с ней нельзя, она под наблюдением.

Она хотела еще сказать про жену, но не успела, мужчина бросил телефон в урну, как будто это была ядовитая змея, после чего бросился к эскалатору, как будто за ним черти гнались. Надежда вытащила из Светланиного телефона сим-карту и растоптала ее ногой, а сам телефон выбросила в урну, после чего быстрым шагом пошла прочь из торгового центра, довольная собой.

Конечно, она мало что выяснила, зато спутала все планы злодейской квадратной тетки. Светланы, разумеется, как и подозрительного мужчины, которого она идентифицировала как Максима Дроздаева, уже и след простыл.

Следующим утром Антонина Васильевна проснулась в дурном настроении. В первый момент она не могла сообразить, в чем причина этого настроения, однако уже через минуту вспомнила, как нашла Елену Дроздаеву без сознания, в полной газа квартире, и каких ужасов наговорила ей вчера Надя Лебедева.

Если верить Наде, в их доме происходит что-то криминальное, а Антонина Васильевна положила все свои силы на борьбу с преступностью и не собиралась сдаваться…

Вспомнив вчерашнее, она решила первым делом позвонить в больницу и узнать о состоянии Елены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/natalya-aleksandrova/nochnoe-solnce

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить